

Мих. Гофер

Найти апельсины

12+

Михаил Гофер

Найти апельсины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42540708

SelfPub; 2019

Аннотация

Одна из многих командировок главного героя оказывается настолько богата приключениями, что заставляет его очень сильно поменять взгляды на жизнь. Шутка ли сказать – человеку из XXI века, способному с лёгкостью разобраться в генетических наслоениях и флоры, и фауны, волею судеб приходится встретиться с людьми, умеющими летать и хранящими этот секрет уже не одно поколение. Чужие среди нас или чужие – это мы и есть?

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

33

Пролог

Мы с Сашкой давно не виделись. Хотя что это я – с Сашкой! С Александром Михайловичем Одолеевым, заведующим кафедрой в каком-то там трудновыговариваемом НИИ. Чем уж они там, в своём НИИ занимались, я не скажу, и не потому что запрещено под страхом .. ну там, смертной казни, что ли (или отменили её?), а просто: пока Сашка... пардон, Александр Михайлович, будучи ещё Сашкой, долго и нудно пытался мне объяснить непонятными словами, чем же всё таки занимается его НИИ, я никогда не мог поймать смысл. Потом у нас уже вошло в традицию: при встрече после четвёртой я, с юношеской пытливостью и не выветришимся ещё максимализмом, уже чуть нетвёрдым языком, и уже с некоторым трудом фокусируя взгляд на Сашке (тогда ещё младшем научном сотруднике), упрямо пытался применить прямой метод дознания («А скажи-ка мне, мил друг Лександр, чем же вы всё таки там, кошкины дети, в своём НИИ занимаетесь? А?»), а Сашка, ещё горевший желанием поделиться своими достижениями, начинал трындеть что то невообразимое, а я... А я сидел и слушал. Вы в школе какой язык учили? Английский? Французский? Тогда вы меня поймёте: слушать Сашку это всё равно как слушать песню на французском языке: вот вроде и не совсем дурак, и в школе же учился, но почему то организм только раз от раза радостно скидывается: «О! Я это слово знаю!» и опять надолго затихает, погрузившись в пучины непознанного.

Вот и Сашкины объяснения долго полоскали меня по этим пучинам, пока наконец, нам обоим это не надоело. В конце концов я устал чувствовать себя идиотом, выслушивая его, а он устал метать жемчуга перед свиньями, и, когда мы уже чуть повзрослели, на глупые вопросы (и не только мои) следовал глупый же ответ, по моему, из какой то комедии: «Селекционируем различные сорта морозоустойчивых обезьян». Ответ был универсален, поскольку сбивал с толку сто процентно всех: человек только-только пытался сообразить, почему обезьяны распределяются по сортам, как огурцы в магазине, а не по родам и видам, как и положено им с лёгкой Линнеевской руки, но тут в мозг проникало слово «морозоустойчивый», про «сорта» забывалось, и заступорившийся мозг, рождая для себя третьи и четвёртые вопросы, впрочем, тоже риторические, успокаивался навсегда. Ну, в смысле этого вопроса больше не задавал никто. Даже я. Обезьяны так обезьяны. В конце концов и так непонятно, и по другому не расхлебашь. А тех, кто не знал кто такой Карл Линней, и вовсе откидывало из нашей компании, чему мы незаметно, но тем не менее от души радовались. Среди них были и неплохие люди, но не было в них полёта, а в Сашке был! Но Сашку я ценил не за это, а за... Да не знаю за что! Просто – это же Сашка!

Это Сашка мог после предложения выпить чаю достать из сумки баночку со своим вареньем. Это Сашка путал слова «рейсфедер» и «рейсшина», «ремикс» и «аранжировка»,

чем отчаянно веселил собравшихся; это Сашка, прежде, чем похвалиться мне новыми слаксами, поворачивался к своей жене и спрашивал: «Оля, а я опять забыл, как мои новые штаны называются?» Это был Сашка, куда бы там его не занесло, и какая бы запись не добавилась в его трудовой книжке. Он был из тех людей, про которых если и спрашивают: «Кто такой?», очень редко в ответ получают наименование занимаемой должности. Никто не округлял глаза и не говорил: «Да ты что? Это ж новый главный инженер (новый заведующий кафедрой, новый начальник отдела или кто там ещё может быть)!», нет! Все пожимали плечами и говорили: «Так Одолеев! Александр Михалыч!» и всем всё становилось понятно.

Ну, а для меня это был просто Сашка, мой одноклассник, друг детства, с которым мы теперь виделись весьма и весьма нечасто, а вспомнить и рассказать нам было что и было о чём. Перезванивались мы с ним на праздники и дни рождения, но обходились стандартным: «Как дела?» и «Привет своим!», потому что как ни крути, а выросли мы так, что разговаривать привыкли, глядя в глаза, а не в трубку телефона, и телефон для нас и был и остался всего лишь средством получения информации, а никак не общения.

Так я вернусь, с чего и начал – мы с Сашкой давно не виделись. Счёт уже пошёл на годы. Наши старшие дети уверенно двигались к школьным выпускным экзаменам, а воспитатели младших детей с завидной назойливостью заставляли

нас вспоминать школьные уроки рукоделия и часы, проведённые в кружке «Умелые руки», объясняя на пальцах то, что нам, родителям, нужно было выпилить, склеить или выжечь. Так вот (опять отвлѣкся, извините), в этот момент и случилась эта история. Вернее, эта история случилась раньше.... Впрочем, по порядку!

Глава I

К тому времени, о котором я хочу рассказать, я до конца уверился, что любая служба, будь она военной или гражданской, держится на исполнительных идиотах. При таком раскладе я дважды не подходил ни в одну из бюджетных организаций, поскольку (простите за наглость) идиотом не был во-первых, а во-вторых, физически страдал, понимая, что мне по условиям трудового договора необходимо исполнять полнейшую дребедень вышеназначенного непонятно за какие заслуги очередного руководителя; организм мой начал рассыпаться, а до пенсии было ещё столько же; поэтому, как только подошёл к концу один из моих кредитов, я уволился с государственной службы, и устроился водителем в одну беззатейную спокойную организацию. Понимаю, что словосочетание «спокойная организация» может вызвать нездоровый ажиотаж, поэтому подробности не уточняю. Кроме обязанностей водителя я выполнял мелкий ремонт поломавшейся мебели и оборудования, за что мне ещё и доплачивали, и жизнь моя потекла неторопливой рекой в этом своём спокойном русле. Я перестал бегать, спешить, ограничил число

входящих в дом людей до минимума, освободил телефонный справочник от всяких «нужных» дядек, и начал потихоньку наслаждаться тем, мимо чего раньше пробегал, сделал в своём доме комнату – этакую крепость в стиле начала XX века, стилизовав электрические лампы под керосиновые, постепенно выкинув мебель из вонючей ДСП, и насобирал себе из кусочков дерева и настоящей фанеры именно те стулья и столы, которые нравились мне, а не такие, которые удобнее было выпускать мебельным фабрикам, привёл в приличный вид оставшиеся от бабушки комоды и столы...

Я вас не утомил ещё? Ещё раз простите, просто я хотел рассказать хоть немного о том, из за чего нам с Сашкой и нравилось встречаться: я с помощью его рассказов чуть-чуть продвигался вперёд в области познания мироздания, а он отдыхал душой, возвращаясь из своего лабораторного мирка в своё детство, и вспоминая, что такая же вот керосинка была в доме у его деда, а вот такая перьевая ручка лежала у его бабушки в комодке рядом с ручкой шариковой за тридцать пять копеек и химическим карандашом за семь.

Специально для Сашки я доставал самовар (тоже бабушкино наследство), и в комнату к нам уже никто не заходил; все понимали, что любой зашедший будет лишним. Даже участковый полицейский. Домашние же были в курсе, и просто не мешали. Идеальный вариант! Желаю, чтобы и у вас такое тоже было!

Обыкновенно встречи наши были случайными и неплани-

руемыми: Сашка просто звонил, и сообщал, что появится, а я... Да просто я его встречал и всё! Обижаться на то, что он приезжал и не зашёл вспомнить юность, было глупо. Вернее, я убедил себя в том, что это было глупо, поскольку с возрастом начал понимать, что такие вещи надо разделять. Если не хватает времени, Сашка не зайдёт ко мне, поскольку у него, как и у меня, появилась записная книжка, и встречи со мной тоже планировались, как и мои встречи с кем бы то ни было в бытность моего бдения на государственной службе. Возраст, кроме болячек, раздаёт ещё и опыт. И терпение. И много чего ещё. Я понимал это. Сашка тоже был в курсе, поэтому мы друг на друга не обижались. Никогда. Ну, не получилось в этот раз! Ждём следующего!

Вот почему я откровенно обрадовался, когда вдруг мой телефон Сашкиным голосом сообщил, что он (Сашка, конечно, не телефон же) в отпуске, и собирается навестить свой (и мой) родной городок, и чтобы я готовился! Что там готовиться! Можно подумать, Сашке нужно было выравнять дорогу и усыпать путь розовыми лепестками, как губернатору со свитой! Это же Сашка! Тем более, что и мой отпуск в кои то веки совпал с его приездом! У каждого человека есть люди, которые могут напомнить ему его безбашенное детство, о котором родителям знать ни к чему. А у меня есть Сашка! А у него – я! Инь и Ян, свет и тень, причём в каждом из нас было и то, и другое, и каждый из нас был рад вспомнить золотое время детских проблем, казавшихся то-

гда огромными, как сама Вселенная; рассказать друг другу о полузабытых звуках и поступках, о тех мелочах, из которых, как из маленьких паззлов и были сделаны мы. Как говорит мой старый друг Александр Михайлович Одолев: «Вдумчивый анализ!» Я в таких случаях просто киваю – куда мне до его учёных степеней!

Встретились мы, как всегда, не грустно. Он подъехал к моему дому в выходной, в половине восьмого утра, и позвонил на мобильный: «Ты дома?» Я, еле как открыв глаза, промычал в трубку «Да!», попытавшись (впрочем, по моему, безуспешно) сделать вид, что уже не сплю (Сашка же уже давно проснулся, значит и мне надо соответствовать); а он, раскрыв двери своего автомобиля, ответил: «Ну, раскрывай шторы!» и включил на полную автомобильную магнитолау с записью какого то убойного рок-н-ролла! Сабвуфер жалобно охнул, но, послушно исполняя волю хозяина, начал качать стёкла, оконные рамы, незакреплённую посуду и мои внутренности. Моя жена, ещё не проснувшись, но уже начав бегать, пообещала ему.... ну, неважно, что она ему пообещала! Как только она увидела его широко улыбающуюся физиономию, она ему уже всё простила, поскольку долго на Сашку обижаться невозможно!

Через несколько минут после того, как на кухне сразу стало тесно от нашего утреннего гостя, на плите уже грелся чайник, Сашка достал свою баночку с вареньем (в этот раз было грушевое), заспанные дети выглядывали в кухню («Зд-

расте, дядя Саш!»), а я, прямо на кухне умываясь и чистя зубы, невнятно что то мычал в ответ на его расспросы, спасаясь в основном мимикой, потому что я всегда ей спасался. Что можно сразу начать говорить человеку, которого не видел почти четыре года? Ох ты, ведь действительно почти четыре! Летят, летят деньки то! За полгода не упомнишь, о чём рассказать надо, а тут – эвона! Четыре года!

– Ну, селекционер-генетик! – понимая, что серьёзно и о серьёзном ещё рано, начал пытаться я, – Надолго? Или опять вечером автобус?

– Надолго, Дмитрич, надолго, уймись! До завтра! – сделав строгое и уверенное лицо, успокоил меня Сашка, и, быстро увернувшись от тубика с зубной пастой, впрочем, несильно мною брошенной в него, громко и заразительно расхохотался (он тоже был в курсе о серьёзности), – Да неделя целая ещё! Успеем даже здоровье поправить! Два раза!

Ну, неделя, так неделя! Границы понятны, а через две чашки чая был определён и остальной распорядок пребывания: четыре дня, начиная с сегодняшнего, Сашка помогает мне по хозяйству, а в награду за это нас с ним отпускают на рыбалку в ночь! Ещё через две чашки чая было получено согласование с женой. А пиво Сашка предусмотрительно привёз с собой. Ну, чтоб не бегать лишний раз. Я же и говорю – опыт!

Глава II

Сашка соскучился по физической работе. Сначала и то-

пор, и мастеров болтались у него в руках, но через пару часов инструменты поняли, что сопротивление бесполезно и сдались. Михалыч взял производство работ в свои руки и начал вполне профессионально отдавать команды, обращаясь ко мне одновременно как к заказчику и как к подмастерью. Я особо не сопротивлялся, поскольку, как говаривал один мой мудрый знакомый, тоже подрастерявший здоровье на военной, правда, службе: «Кто-то из отряда всегда должен быть назначен старшим! Даже если боевых единиц всего две! Иначе начнётся бардак!» Я не страдал манией величия, результат меня устраивал, поэтому я послушно месил раствор, подносил песок и кирпичи, подавал доски, и пилил их в размер, любуясь Сашкиными способностями и исподволь наблюдая, как же изменились мои ровесники.

А Сашка действительно стал какой-то другой. Нет, антропология осталась – куда же спрячешь пятьдесят восьмой размер и рост сто восемьдесят четыре (как говаривал он сам – «шесть футов ровно»)? На его фоне я всегда выглядел карликом с моими ста шестьюдесятью восьмью сантиметрами (между прочим, пять с половиной футов, спасибо Сашке, научил).

К тридцати годам, когда Сашка понял, что чёлочки у него уже не будет никогда, он взял привычку стричься под ноль, так что если он надевал солнцезащитные очки и шёл молча, то гопота осторожно примолкала и поджималась в сторонку, поскольку выглядел он, прямо скажем, мрачновато, точь-в-

точь как новый русский из анекдота. Выдавало его только отсутствие золотых цепей и выражение глаз, до которого ни одному депутату не дорости. А сейчас, глядя на него, я понимал в нём какую-то странность, но списывал на то, что давно не виделся. Да нет, такой же! Вон, даже шрам на руке – память о наших детских играх с ножичками. Только морщина добавилась – на лбу... странная какая-то, больше на вмятину похожа. И разговаривает как-то... не так. Слова цедит. Иногда. Как будто зуб болит. И замолкает. Надолго замолкает...

Ну да ладно! В остальном то это он! Пусть молчит пока! Надо будет – расскажет. Через два дня. Ну, или через три. Не зря же впереди – рыбалка!

А пока Сашка сторонним глазом окидывая моё хозяйство, заставлял меня выкидывать оставшиеся ещё от бабушки лейки, вёдра и чугунок, всякие баночки и коробочки; распиливать на дрова старый деревянный хлам, который я, непонятно на что надеясь, держал в каждом углу, и, пока я не видел, сам деятельно участвовал и в этом процессе тоже.

К концу четвёртого дня я вполне заслуженно взвыл, и объявил, что если кто-то хочет продолжать мой ремонт за свой счёт, то я никому палки в колёса вставлять не буду, а моя программа как минимум так и максимум выполнена, и я иду в баню! Всё! Веники припасены, а деньги кончились (про деньги я немного приврал)! Ну, и Сашка сдался. То, что мы натворили за эти дни, хватило бы с лихвой мне одному на целый отпуск. А то и на полтора! Сашка вытер пот, поздра-

вил нас с наступающим лёгким паром, и пошли мы готовиться этот самый лёгкий пар встречать. Ну, почти как Новый год. Его же тоже с бухты-барахты не встретишь.

Глава III

Пока мы собирались на рыбалку, выяснилось, что Сашка таки отправил на городскую свалку мешочек с колышками от палатки, который я куда-то убрал лет пять назад и благополучно забыл о нём; мои боевые прорезиненные берцы, которыми я безо всякого ущерба для здоровья из одного целого кирпича движением ноги делал две половинки и безбоязненно ходил по битым бутылкам и торчащим из деревянного хлама стомиллиметровым гвоздям. И вот теперь с лёгкой руки моего закадычного друга я перестал быть рыбаком и остался простым пешеходом. Ну надо ж было умудриться! Это только то, в чём он сознался. Подозреваю, что полностью масштабы бедствия я оценю потом, пока же я судорожно соображал, в чём же я поеду, поскольку остался совершенно голым. Ну, голым как рыбак. Кеды то у меня были.

Сашка, виновато нависая надо мной своими шестью футами ровно, уныло сопел, молча сочувствуя моему горю.

Так как из-за поисков инвентаря вовремя уехать у нас не получилось, проснувшиеся от наших причитаний дети начали прыгать вокруг нас и канючить, чтобы и их взяли с собой. Я сначала глухо отбивался от них тем, что ловить то, собственно, нечем, каковую ситуацию они быстро парировали

вопросом: «А зачем вы тогда едете?», что меня, и так озадаченного, сшибло с рельсов совершенно. В конце концов Сашка, поняв, чем всё это может закончиться, проявил решительность, закинул к себе в машину «набор начинающего туриста» – котелок, треногу, и охапку дров (на всякий случай); старшему было обещано суточное сидение за компьютером, младшему – привезти что-нибудь с рыбалки и взять его в следующий раз, и мы с пробуксовкой всех колёс улетели так, что продукты и спички пришлось покупать в магазине на окраине. А то, если ещё и жена, и так долго терпевшая, начала бы задавать свои вопросы, всё кончилось бы, не начавшись.

А пока мы с Сашкой ехали на рыбалку, котелок гремел в багажнике; дрова, предчувствуя свою скорую кончину, уныло перестукивались рядом с котелком незнакомой для людей специальной дровяной морзянкой. Всё это вместе с поющим на ямах движком рычало какой-то боевой ритм, и мы с Сашкой сначала тихо, а потом и в полный голос начали орать под этот ритм песни из нашей молодости. Про тональности и прочие умности никто не вспоминал, да и слова уже, за давностью времени, ясно проговаривались только вначале припевов; но жюри никакого не было, и никто не мог нам сказать, что «доминант септаккорды в финальной части преобладают над дольными структурами, обедняя тем самым гармонию произведения»¹. Мы и сами это знали. Только выго-

ворить не умели.

Глава IV

Ночь уже полностью выдавила солнечный свет с той стороны земного шара, где мы с Сашкой расположились на рыбалку. Костёр лениво томил котелок с ухой, искры от костра бодро взлетали к небу, теряясь между своих астрономических собратьев. День кончался, и кончался хорошо.

Я думал, что давно знаю Сашку, и что «неожиданностей не будет», но он никогда не давал заостенеть моим мозгам. Вот и сегодня – казалось бы, всё день пропал, рыбалки не будет, снастей нет, наживки нет, живцов нет, блёсен нет, о каких уловах может идти речь, а вот на тебе, Сергей Дмитриевич, назло и поперёк!

Михалыч сразу по приезду достал откуда-то из недр багажника малопонятную «механизму», ни на что по виду непохожую, раскинул по ветвям какие то проводочки, забросил один конец какого то электрода в воду, второй воткнул в небольшой приборчик, больше всего похожий на электрический тестер, покрутил на нём какие то ручки, и, увидев мои нахмуренные в размышлениях брови и недоумённый взгляд, сказал:

– Ребята с соседней кафедры подогнали. Ихтиологи. Предопытный образец. Лавры капитана Врунгеля им покоя не дают. Что то там они волнами и сигналами какими-то сго-

няют тунцов и селёдок в стадо и, в зависимости от задач или буксируют куда надо, или вытаскивают на сейнер, в консервы. Свежесть у них там повышается. В принципе, можно и не только селёдку, только в наладках разобраться.

Пару часов Сашка разбирался в наладках, поскольку резиновые сапоги были только на нём. Я за это время успел вскрыть дёрн, выкопать яму под костёр, набрать и отсортировать ветки, и начал уже обустроить остальной бивак, но Сашкины «наладки» меня начали нервировать. В конце концов я не выдержал и сказал ему, чтобы он настроил частоту для акул, потому что у нас их всё равно нет, а наши щуки под это дело и остальную рыбу мелочь приведут. Сашка оглянулся с очень интересным выражением лица, что-то среднее между «А чё я раньше не додумался?» и «А ты кто такой?», но налаживать перестал.

До вечера мы проболтались в ни к чему не обязывающих делах, обустройстве нашей стоянки и разговорах. Многочисленные «А помнишь?» и «А что сейчас Лёха?» перемежались поисками лесных даров и созерцанием окружающих пейзажей. К вечеру, когда все судьбы знакомых нам когда-то людей немного прояснились, а старые анекдоты промассировали закостеневшие извилины, мы понавытаскивали из затончика, куда Сашка воткнул электрод, не самую маленькую кучку всякого рыбьего сброда с удивлёнными глазами, отпустили совсем мелких и совсем незнакомых, набрали для ухи мелочи, завернули в лопухи и крапиву крупную (для дома),

а одну непарную стерлядь, не разделившуюся между нами двоими, отправили в котелок, решив, что уха наша сегодня будет стерляжьей.

Ну так и вот: костёр лениво томил ведро с ухой, искры от костра бодро взлетали к небу, теряясь между своих астрономических собратьев. День кончался, и кончался хорошо.

Съеденная уха медленно усваивалась, радуя каждую из клеточек довольного организма этим маленьким счастьем. Перец с солью, щедрой рукой насыпанные сначала в котелок, а потом ещё для чего-то и в миску, навязчиво, но приятно щекотили губы, добавляя ухе совершенно особое недомашнее послевкусие. Наступившая ночь, ограничив видимость небольшим пятном света от костра, создала иллюзию, что мир съёжился до таких размеров, что остались только мы: уха, костёр, я и Михалыч. Дети, жёны, работы, автомобильные пробки, идиотские сериалы, и остальной бред вроде рекламы и должности пиар-менеджера оттеснились настолько, что казались инопланетными. Причём семьи были на одной планете, а вся остальная чушь – на другой. Вот такая вот получалась мини-галактика! Иллюзия идиллии... Может быть, рыбалка и костёр – это просто желание и возможность для мужчины уйти подальше от тех проблем, которые придумывают для них жёны и начальники? Не знаю, как у вас, а я любой сериал, который с восторгом смотрит моя жена, терплю от силы пятнадцать минут. А про начальников и вовсе здесь говорить не буду, вдруг дети прочитают...

Я уже давно вытянулся рядышком с костром на так и не раскинутой нами палатке, и лежал, закинув руки под голову и в промежутках между ленивыми мыслями старался разглядеть и угадать, в какое созвездие полетит следующая искорка из костра. Получалось не очень... Из всех созвездий я знал только Большую и Малую Медведицу и Кассиопею, а искры как раз летели к тем, которых я не знал, сворачивая в сторону или и вовсе затухая. Сашка, напряжённо съёжившись, сидел на каком-то сучке и покусывал травинку. Говорить не хотелось, и мы молчали. Вернее, я молчал.

Сашка производил гораздо больше звуков: он сопел, вздыхал и шумно пытался устроиться на своём сучке поудобнее, но у него не получалось. В конце концов, он своими сопениями начал мешать мне, и я, не выдержав, приподнялся на локте и внимательно оглядел Михалыча ещё раз. Мда! Я не Шерлок Холмс, и дедуктивным методом я не владею. Вернее, скажем так: результат использования дедуктивного метода зависит от того, кто им пользуется: Шерлок Холмс или доктор Ватсон. Так вот, даже Ватсон, понаблюдав за Сашкой, понял бы, что он далеко не просто так, ради своего удовольствия четыре дня торчал у меня «на галерах», а теперь ещё и утащил меня на рыбалку в ночь, чего с нами не случилось с тех времён, когда мы ещё носили пионерские галстуки. Мне до сих пор не пришло в голову спросить его о детях-сорванцах, о жене Ольге, приятной милой женщине; и почему за всё время никто ни разу ему не позвонил, и он никому за

эту неделю не объяснял в трубку ничего на русском, таком непонятном языке о своих «морозоустойчивых обезьянах». Что-то случилось у Сашки. И что-то серьёзное случилось. И сказать это серьёзное он может только мне, иначе уехал бы он на следующее утро, как обычно. Оставалась у нас только одна ночь, поэтому пора уже было и начинать....

– Ну? – состряпав идиотское выражение на лице, спросил я его. – Когда разводиться?

– Что? – вскинул вверх брови Сашка и, осознав смысл вопроса, криво улыбнулся: – Да нет, нет, с Ольгой у нас всё в порядке. Просто... просто.... – Сашка опять замолчал, но теперь уже я не торопил его. Пусть соберётся, я подожду...

Глава V

Михалыч покрутился ещё у костра, пристраивая свой су-чок, в конце концов оставил эту затею, выдернул из багажника какую-то канистру, утвердил её на бок напротив меня, и угнезвился наконец. Я не мешал. Сашка вытянул ноги, чуть покачался на канистре, как старый индеец у костра, потом нервно улыбнулся одним углом рта, и вдруг сразу, без предисловий, тоже, видимо, понимая цейтнот ситуации, сначала торопясь, заговорил:

– Мне надо тебе рассказать кое-что... Постарайся не смотреть на меня, как на идиота, потому что я сам ещё в это всё поверить не могу, и иногда мне очень сильно хочется, чтобы это всё оказалось просто сном. Только это не сон, иначе бы

мне уже давно кто-нибудь позвонил бы. Ольга рассказала бы о сыновьях, мама бы по три раза на дню интересовалась, что и сколько я съел; и не бывало такого, чтобы мне две недели не звонили с кафедры. Челюсть бы моя осталась бы целая, а голову не лечили бы бригады невропатологов вместе с нейрохирургами... Врачи послали меня на реабилитацию, и никому не разрешили меня шевелить. Вот все и молчат... И я молчу, но больше не могу. А рассказать, кроме тебя, некому. Вот и приехал...

Вот тебе так! Морщина то на лбу и не морщина вовсе! И не зря я её с вмятиной спутал – это и был шрам с вмятиной, а никакая не морщина! И разговаривал Сашка чудно, не потому что зубы болели, а потому что челюсть срослась недавно! Я поднялся и сел, согнув под себя ноги. Боясь спугнуть Сашкины мысли и без того, видимо, сильно плутовавшие, я подобрал конец шнурка от палатки и начал вязать на нём всякие узлы и узелочки, чтоб хоть чем-нибудь занять руки и не помешать рассказу. Сашка исподлобья взглянул на меня, удостоверился, что я здесь, опять уткнулся взглядом в костёр, и, сбиваясь и запинаясь, начал (стилистику Сашкиного рассказа я честно пытался сохранить, но за точную дословность не поручусь, всё-таки это, скорее, мой пересказ):

– В конце этой зимы меня направили в долгую командировку. Объяснять что и как не буду, во-первых, потому что начинать надо издали, пользоваться словарём для тебя непонятным, да и географию разглашать не могу. Потом

поймёшь, слава Богу, слушать то ты всегда умел. Скажу только, что одна из областных больниц устанавливала и настраивала оборудование, в котором разобраться без консультаций нашего института невозможно; младшие научные сотрудники не имеют достаточно опыта, а старшие имеют слишком мало представительских полномочий для таких дел. Вернее, можно было бы и наделить кое-кого из парней, но на кафедре они справились бы не в пример лучше, чем в этой областной больнице, поэтому мы даже жребий не тянули. Решительно и бесповоротно командировали меня.

Домашние мои давно привыкли, что я временами пропадаю куда-то: то симпозиумы, то семинары, то конференции, так что сборы были недолгими, да и не о сборах и прощаниях я хочу рассказать. Работа в этой больнице со стороны человека, не понимающего специфики, выглядела пикником в сумасшедшем доме, так что и о ней говорить не буду. Расскажу только вот о чём: ты знаешь, как я не люблю большие города. До дома было не добраться, а главврач оказался очень коммуникабельным господином, и выписал мне доверенность на автомобиль, старый карбюраторный автомобильчик, при умении поддающийся ремонту в любых условиях, на котором обычно ездил его сын – кадровый офицер, который, в свою очередь, тоже был в командировке. Поэтому в ближних передвижениях я был фактически неограничен, и, как только начал сходить снег, все выходные пропадал за городом. Ну, это, если не было дождей. В дождь я сидел в

пустующей пока на моё счастье квартире, которую предлагали молодым специалистам-врачам в начале их карьеры в этой больнице, и читал книги, которые удавалось достать.

Сашка усмехнулся:

– Помнишь время, когда хорошие книги надо было доставать? Так вот с тех пор ничего не изменилось... Хорошую книгу по-прежнему не достать. Детективы про то, что «бандиты тоже люди», ворами заказанные и бандитами оплаченные; исторические расследования в стиле «я открою вам глаза», женские романы о трепещущих ресницах и вздымающейся груди и прочая макулатура... Что поделаешь – издержки воспитания – не могу я это читать. Вернее, читать могу, просто мне до головных болей жалко время, на них потраченное. Ну да ладно, это я к тому, что даже если дождь только собирался, я всё равно уезжал за город в надежде, что его сдует. Несколько раз дожди меня всё-таки заставляли, но я почти всегда благополучно возвращался. Почти...

Михалыч ещё покачался на канистре, потом взлянул на меня в упор взглядом, означавшим одновременно решимость, нетерпение и извинение (я за тридцать с лишним лет научился уже разбираться в его взглядах), и, вынув из кармана две сигары, протянул одну мне:

– Держи!

Ну, раз дело дошло до сигар, дело совсем серьёзное. Теперь действительно нельзя его сшибать никакими звуками. Пока Михалыч раскуривал сигару, я осторожно подтащил

края палатки к себе и, сложив её стопочкой, тоже сел. Он окутал себя облаком дыма, и, успокоившись и собравшись с мыслями, продолжал:

– В ту пятницу мы закончили пораньше. Следующую операцию по сборке нельзя было начинать, не имея в запасе минимум шести часов, поэтому мы решили не рваться перед выходными, и оставили всё на понедельник. Мой походный баул был всегда в машине, а когда нет рядом женщин, мужчина – существо нетребовательное. Я рванул прямо с работы за город, не переодеваясь, и даже радуясь этому. Как в студенческие времена, думал я, когда и собирать-то было, в общем, нечего и при любой возможности можно было переместиться по стране куда угодно, даже не заходя в общежитие.

Время в моём распоряжении было, казалось, нескончаемо, восторг от получающейся работы и увеличившихся выходных был абсолютно щенячий. Пару раз я действительно на грунтовой дороге разгонялся и выворачивал руль так, что меня разворачивало кормой вперёд, а потом повторял этот манёвр, чтобы развернуться ещё раз и опять ехать в ту же сторону. Если б на машинах для какой-нибудь нужды привязывали хвост, было бы полное ощущение, что я кручусь, пытаюсь его достать.

Пока я так развлекался, начало темнеть. Непонятно откуда быстро надуло туч, и я очень долго двигался в темноте, сворачивая непонятно куда, и не считая поворотов. В конце концов, поняв, что дорога сейчас раскиснет, и я могу встрять

так, что не поможет ни мобильный телефон, ни спутниковая навигация (которой, кстати сказать, у меня и не было), успокоился, остановился, и приспособился спать. Не зря сказки учат детей ещё в детских садах: «утро вечера мудренее». Сколько живу, столько убеждаюсь. Утром очередная неприятность вместе с дневным заботами уйдёт, как ночной кошмар, организм восстановится, страхи спрячутся, всё будет легче. Под стук дождя и дальние раскаты грома я недолго подумал о том, чем может навредить такая ситуация, успокоил сам себя, что это всё решаемо. В конце концов, можно всегда выехать по своей колее. И, успокоившись, я уснул.

Глава VI

Сигара Сашкина за рассказом потухла, а я свою так и не поджигал. Он опять замер, и я, пользуясь заминкой, накидал в огонь веток и пару захваченных нами поленьев, во-первых, чтоб назад не везти, а во-вторых, чтоб горело подольше. Сказка начиналась, не надо было превращать её в страшилку. Пусть будет свет. Сашка вдруг вспомнил о сигаре и попытался растянуть её. После нескольких безуспешных затяжек он удивлённо взглянул на её потухший кончик, продолжать попытки не стал, зажал её в кулак, и продолжил свой рассказ:

– Проснулся я рано, на удивление выспавшимся. Погода была такая, что о вчерашнем дожде напоминала только чистая и ровная дорога, без малейших признаков следов моего

протектора. Вымыта, как после поливальной машины! Вернуться по следам было невозможно, их просто не было, а куда я вчера в дождь сворачивал, естественно, я не помнил. Я потрепыхался около двух часов и по просёлочным дорогам и по лесным, и пару раз с замиранием сердца даже прорывался по чуть заметным тропинкам, но мой природный реализм, объединившись с окружающей действительностью, быстро придушили утреннюю надежду на хорошее. Я заблудился. Нет, дороги были, было много дорог, но какая из них куда вела, известно было только местным краоведам-любителям. Сам понимаешь, в какой стороне искать краеведов, я тоже не знал.

Дурацкая привычка из молодости ещё возить с собой канистру с бензином немного грела душу, но только немного, поскольку телефон, который я выключил во время дождя, так и не включился. Потом мне это даже немного помогло, но тогда я ещё не знал, что будет дальше. Восторги сменились напряжением, стали затекать и уставать мышцы, я проклинал себя за то, что решился на эту дурацкую затею, но дело было сделано: я один, без связи, даже без мало-мальски понятной карты оказался в полностью незнакомой местности. Солнце не спасало, потому что любое направление, которое, как я считал, приведёт меня назад, начиналось на той дороге, которая, извиваясь между одной ей ведомыми преградами, в конце концов поворачивала и вводила меня в совершенно неожиданную сторону. За этими дорожными

лабиринтами подобрался полдень, что сподвигло меня к единственно правильному решению: выбрать любую дорогу и ехать по ней до конца, а в конце наверняка найдутся люди, вода, обед, электричество, бензин и карта.

Дорогу я выбрал наугад. Была она не лучше и не хуже других, и не то чтобы она была ближе ко мне, а просто: я решил, что ехать по этой дороге и есть моя судьба!

Сашка криво усмехнулся, вдруг снова вспомнил о своей сигаре, вытянул из костра веточку с угольком, и всё-таки раскурил её. Окутав себя облаком сигарного дыма, он посмотрел сквозь него куда-то в ночь, и снова с обречённым сожалением проговорил:

– Судьба! Как далеко всё заходит, если взять за труд подумать! Ты никогда не замечал, что если взять мысль «что бы было бы, если было бы...» и начать её думать, то при некоторой настойчивости всегда приходишь до своего рождения, и понимаешь, что расследовать дальше бессмысленно: либо это всё до крайности случайно, либо определено с такой тщательностью, что твои мозги и способности тут явно лишние.

У меня отсутствовала Сашкина настойчивость, и в таких мыслях до своего рождения я так никогда и не добирался. Мои мысли подламывались гораздо раньше, мягко и ненавязчиво намекая, что полез я не туда. А Сашка продолжал философствовать:

– А если мозги твои лишние, то ты тогда сам чего стоишь? Чем определяется твоя нужность в этом мире? Способно-

стью размножаться и плодить себе подобных? А что такое «себе подобный»? Такой же прямоходящий, способный размножаться, или всё-таки «человек думающий»?

Такие мысли тоже приходили иногда в мою голову, но ничего с собой не несли, кроме расстройств и депрессий. И если мои среднестатистические мозги с трудом это выдерживали, то одолеевские завкафедровские и вовсе могли его разобрать по молекулам, поэтому я сшиб его с этих крамольных мыслей, зашевелившись и сделав вид, что захотел раскурить свою сигару, мягко его оборвал:

– Ну так дорогу ты нашёл...

– Нашёл, – сразу же без перерыва ответил Сашка, глядя в темноту перед собой, а значит, ни о чём постороннем он не думал. Ещё некоторое время он смотрел на дым, потом навёл на меня резкость, несколько секунд посоображал, настраиваясь, и, вспомнив, чем он закончил, опять согнулся на своей канистре:

– Или она меня нашла... Да кто ж теперь знает, к чему всё это было, но я по ней проехал. И в конце упёрся в какую-то деревню. Или посёлок, или как ещё там может это называться, не знаю... хутор, станица, мыза, что там ещё может быть... Видимо, в своё время там стоял или лесхоз какой-то или торфоразработки, вот и наставили двухэтажных деревянных барачков для рабочих, а когда кончился лес или торф, все отсюда потихоньку выехали. По стране таких много оставалось. Что не сумели сделать пожары, продолжило время.

Провалило крыши, повыбивало стёкла, полёвки грызли обои вместе со стенами, мхи и лишайники облюбовали себе стены, полы, и чердачные стропила, всё находило себе достойное завершение. Дорожные знаки под дождями проржавели и отвалились, просёлочные дороги позарастали, как и та дорога, по которой я приехал; вокруг стояли кусты, вольготно заползавшие даже и на саму дорогу; валялись годами скапливавшиеся ветки, обломившиеся с деревьев во время летних гроз и зимних снегопадов.

Выбора у меня не было, и я, оставив машину, продрался сквозь эти завалы, непонятно на что надеясь, и неизвестно что пытаюсь найти. Надежда умирает последней, так уж, видимо, ей суждено над нами издеваться.

Вот и тогда: ну скажите на милость, что можно было ожидать в заброшенном посёлке, кроме неприятностей? Не полагал же я всерьёз, что где-то будет висеть специально для меня карта области с маршрутом эвакуации до центра? Или меня будет дожидаться двухсотлитровая бочка бензина стандарта «Евро-3» с любовно запакованным в целлофан и привешенным на видном месте путеводителем? Нет, конечно, просто лез, чтобы удостовериться наверняка, что опять промазал, и не проклинать себя потом за то, что не всё проверил.

После завалов стояли именно такие дома, что я тебе описал: с выбитыми стёклами, с прогнившими стропилами, отгнившими дверями, с травой и берёзами, проросшими на чердаке. Что меня заставило шагать дальше? Не знаю. Мо-

жет, порыв ветра принёс какой-то знакомый запах, может, я услышал чей-то голос, может, ещё что-то показалось, я не скажу тебе теперь. Я тебе скажу, что я зашёл за этот первый ряд домов, и остановился, раскрыв рот. Я действительно раскрыл рот, потому что следующий дом, стоявший передо мной, был уже совершенно другим.

Глава VII

Окна в этом, следующем доме, были со ставнями, сейчас открытыми, рамы в них покрашены и стёкла в них были целыми; на некоторых стояли цветы, с одного окна, увидев меня, внутрь комнаты прыгнула кошка; крыша была перекрыта железом и как-то странно покрашена, больше всего напоминая военную камуфляжную расцветку, но она была покрашена, и нигде не было видно унылой ржавчины. На крыше уверенно стояли снегозадержатели – эдакие фальш-бортики, и недрогнувшей рукой жестянщика по углам здания были прикручены таким же образом покрашенные аккуратные водостоки, заканчивающиеся над бочками, собирающими воду. На стенах были расположены пожарные щиты, правда, выкрашенные не в ярко-красный, а в незаметный военный чёрно-зелёный цвет. Фундамент был аккуратно подштукатурен; видно, что дверные косяки в подъезде тоже недавно заменены и тоже выкрашены. Лужайка перед самым домом несмотря на еле-еле выползшую траву была как то уж по-немецки педантично выкошена, а маленький пали-

садник обещал вскорости порадовать и опьянить запахами цветущего жасмина. Не было тарелок спутникового телевидения и проводов. Никаких. Ни телефонных, ни электрических. И это, пожалуй, всё, чем отличалось это место от окраин любого районного центра. Здесь явно кто-то жил, и жил не в одиночку. Здесь жили люди, община людей, не может один человек сразу следить и за кошками, и за цветами, и за крышами и за фундаментами в двухэтажном деревянном доме с двумя подъездами.

Я обошёл дом со всех сторон. Рядом стоял ещё один такой же, дальше стоял ещё и ещё... Я забыл о том, что я потерялся. В голову полезла всякая дрянь по поводу каких-то староверских сект, инопланетных баз, параллельных миров, лагерей тренировок исламских террористов и прочей голливудской ерунды. Я вдруг понял, что вольготные кусты просто-напросто заслоняли от любопытных взглядов сам этот посёлок, выполняя ту же функцию, что и первый ряд домов – страшный и отталкивающий. Становился понятным и маскировочный окрас крыши. Возможно, что и ветки на дороге накиданы были не как получилось, а так, чтобы возникало наименьшее желание проникать дальше. Но ветки я уже прошёл, и теперь надо было добиваться, чтоб меня отсюда вытурили с наименьшими потерями для меня, и при этом показали бы направление. Я, дыша через раз, как разведчик в тылу врага, без права на ошибку, начал пробираться по этому странному поселению так, чтобы не меня увидели первым, а

я. Планов не было, всё разбирательство планировалось экспромтом по ходу развития событий. И я пошёл...

Стучаться в двери было пока страшно, я начал ходить вокруг зданий, ища хоть что-то, что могло мне помочь. Я заходил в подъезды, прислушивался у дверей, но везде было тихо и спокойно. Нигде не играла музыка, никто не пел, никто не ругал детей, никто не кричал пьяными голосами, нигде не было слышно женских пересудов и весёлых радионовостей. Я проходил от дома к дому с одинаковым результатом, пока не увидел подъезд в торце здания. Просто крытое крылечко и ступеньки с открытой дверью и лестницей наверх. В дверь не надо было стучаться, не надо было её открывать, и я, решив, что если что, то препятствий к моему побегу не будет, я оглянулся ещё раз, и начал тихо подниматься по этой лестнице, стараясь не скрипеть половицами. Половицы, кстати сказать, так и не скрипнули, а поднявшись, я оказался в каком-то подобии столовой. Я таких не видел со времён детства: деревянный прилавок из толстой и широкой доски, сама столовая от кухни была тоже отделена деревянной стеной; столы из таких же могучих досок, подновлённые и покрашенные; не было нигде никакого пластика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.